

Анастасия Сысоева

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ, ИЛИ КАК РАССКАЗЫВАТЬ О ВОЙНЕ СОВЕТСКИМ ДЕТЯМ: ПОВЕСТЬ В. П. БЕЛЯЕВА «СТАРАЯ КРЕПОСТЬ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

Повесть В. П. Беляева о Гражданской войне «Старая крепость» рассматривается в статье на фоне предвоенной эпохи как инструмент идеологического воспитания: в произведении представлен положительный образ Красной армии, отрицательный — противников советской власти. Взгляд на события периода становления советского государства сквозь призму подготовки в 1930-е гг. к новой войне размывал специфику Гражданской войны. Автор использовал универсальные приемы деления на своих и чужих, создавал образа врага в соответствии с внутренней и внешней политической ситуацией, а также транслировал милитаристские и антирелигиозные взгляды. Материалом исследования послужили издания повести и сопутствующих рассказов 1936–1964 гг. (в первую очередь рассматривались книги 1936, 1937 и 1939 гг.), протокол встречи В. П. Беляева с читателями 1938 г. В статье проанализированы система персонажей, изменения текста при переизданиях, исторический контекст. Причины популярности произведения у читателя и его успешной издательской судьбы заключаются, с одной стороны, в сочетании увлекательного приключенческого сюжета, нормализации нарушения правил, безупречных героев-подростков. С другой стороны, произведение обладало выверенной идеологической составляющей, акценты в передаче которой автор менял в зависимости от изменения ситуации в стране¹.

Ключевые слова: Владимир Беляев, детская литература, читательская рецепция, идеологическое воспитание, образ врага, Гражданская война, история текста

Анастасия Владимировна Сысоева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург
sysoevaav@gmail.com

Самым известным произведением В. П. Беляева, получившим Сталинскую премию за 1951 г. и имевшим десятки переизданий на протяжении 1950-х — 2010-х гг., стала трилогия «Старая крепость». Ее первая часть вышла в свет в журнале «Молодая гвардия» под названием «Подростки» в 1936 г. Объем и характер правки, внесенной при подготовке книжного издания, позволяет говорить о второй редакции текста. Она была опубликована в «Детиздате» в 1937 г. и получила заглавие «Старая крепость», которое не менялось в дальнейшем. Наконец, в 1939 г. в этом же издательстве вышел новый вариант текста. Герои повести появлялись в рассказах «Детство», «Ровесники», «Голос Тараса»².

Судя по протоколу встречи Беляева с читателями в Ленинграде 6 апреля 1938 г. в магазине детской книги (пришло 79 учеников 3–9 классов), произведение было популярным. Дети ждали продолжения, хотели узнать о дальнейшей судьбе героев, спрашивали, будет ли новая повесть интересной. Им предложили сравнить произведение со «Школой» А. П. Гайдара, «почти все» решили, что повесть Беляева лучше. Аргументы повторялись: «здесь про ребят больше, про товарищей. Там один Гайдар, а здесь много», «здесь про ребят больше, их много ребят и разных» [Протокол 1938, л. 11–12]. Вероятно, эта особенность произведения импонировала аудитории, потому что в подростковом периоде (возраст героев и читателей книги) ведущим типом деятельности является общение со сверстниками, высока ценность детского сообщества, на эту особенность обращали внимание педагоги и психологи, работавшие в рассматриваемый в статье период [Обухова 2013, 386].

Важно, что «Школа» вышла отдельным изданием в 1930 г., то есть других достойных конкурентов в советской детской литературе о Гражданской войне за прошедшее почти десятилетие С. М. Пресс, один из ведущих встречи, задавший вопрос, не видел. Дети, в свою очередь, рассказывали, как уже спорили с одноклассниками, чья книга лучше, Беляева или Гайдара, так что такое сопоставление было привычным.

Помимо «Старой крепости» и «Школы» к 1938 г. были изданы и другие произведения о Гражданской войне для детей. В частности, они входили в корпус «пионерской беллетристики», который был отвергнут как неподходящее чтение в 1926 г. [Маслинская 2012, 104, 111]. В 1934 г. на Первом съезде Союза советских писателей С. Я. Маршак вернулся к вопросу о вреде «авантюрной литературы американского стиля» [Маршак 1934, 30]. Авантюрные романы

выполнили заказ периода НЭПа [Маликова 2010] и в годы индустриализации уже не могли удовлетворить власть.

В литературе для взрослых число произведений о Гражданской войне, отражавших советскую идеологию, значительно выросло именно в течение 1930-х гг., чему способствовали: масштабная кампания в связи с проектом М. Горького «История гражданской войны», развернувшаяся после Постановления ЦК ВКП(б) «Об издании „Истории гражданской войны“» от 30 июля 1931 г.; проведение регулярных творческих конкурсов на произведения военной тематики; выпуск специальных номеров журналов и сборников к годовщинам Октябрьской революции и РККА. Работа с темой Гражданской войны была продолжена и детскими писателями в 1930-е гг., одним из них был Беляев. Рассмотрим, какие особенности его повести обеспечили ей успешную издательскую историю и признание аудитории.

Повествование ведется от лица Василя Манджуры³, подростка 11–12-ти лет, который жил в бедной части города, на Заречье. В журнальной редакции сказано, что в городе находилась Кременецкая уездная чрезвычайная комиссия, то есть речь шла о Кременце [Беляев 1936b, 140]. Позже, на встрече с читателями Беляев сообщил, что действие повести происходит в Каменец-Подольском [Протокол 1938, л. 7]. Речь идет, вероятно, о 1919 г.⁴ Власть в городе взял Петлюра. Незадолго перед этим сосед Манджуры Давид Лейзерович привел ночью в дом незнакомца, чтобы посоветоваться, где того можно спрятать до прихода Красной армии. Позже, когда Василь и его друг Юзик Стародомский пришли в находившуюся в городе Старую крепость собирать черешню, они наблюдали проведенный под командованием петлюровца Марко Гржибовского и засвидетельствованный доктором Иваном Тарасовичем Григоренко расстрел. Васька, Юзик и Петька Маремуха поклялись отомстить за смерть убитого на месте его захоронения. Василь узнал в нем ночного гостя, а Давид Лейзерович рассказал ребятам, что это был Тимофей Сергушин, председатель военно-революционного трибунала. Отец Василя Мирон сбежал из города, когда узнал, что его собираются заставить печатать петлюровские деньги. От возможного преследования ушли из города и друзья. Они случайно столкнулись с партизанами, прятавшимися рядом с селом, где жил дядя Василя. Опасно близко к месту стоянки красных подошел отряд скаутов во главе с петлюровцем, друзья вместе с сельскими ребятами решили отвлечь отряд и напали на него. Тем временем Красная армия отвоевала прежние позиции. Герои смогли вернуться домой

и увидели бегство петлюровцев и поляков. Дома у Манджуры поселился начальник конной разведки, красный командир Северьянов, с которым Василь и Петька поехали в село за фуражом и попали в перестрелку с петлюровцами. Красные устанавливали власть в городе, судили своих противников, поэтому Ваську и Юзика как свидетелей расстрела Сергушина вызвали в Уездную Чрезвычайную комиссию.

Если оценивать Василя Манджуру с точки зрения инициативности и действий в интересах красных, то в ряду друзей он окажется на средней позиции. Лидером компании был Юзик Стародомский, он мечтал стать разведчиком у красных и совершал поступки, которые говорили о храбрости и сознательности: став свидетелем расстрела большевика в Старой крепости, он первым подошел к сторожу, договорился, что друзья придут с цветами почтить память убитого; он был единственным из трех приятелей, кто решил использовать самодельную бутылочную бомбу во время драки со скаутами. В издании 1939 г. был добавлен еще один эпизод, иллюстрировавший сознательность подростка: Юзик сорвал вывешенный петлюровцами агитационный плакат (и Василь пожалел, что сам не догадался это сделать). Петька, описанный как толстоватый и неуклюжий подросток, напротив, поддерживал хорошие отношения с отрицательным персонажем, сыном доктора Котькой Григоренко. Петька некоторое время был скаутом, вышел из организации после серьезного оскорбления, попросился в компанию к Ваське и Юзику, боялся нарушать правила даже по предложению друзей.

Юзик, Васька и Петька показаны живыми подростками, а не борющимися за идеалы большевизма безупречными героями. Это школьники со своими недостатками, которые иногда обманывали, иногда боялись. Например, Василь после исключения из гимназии обманул тетку и Юзика, объясняя, что не ходит учиться из-за болезни. Писатель соблюдал требование отказа от «пионерской беллетристики», герои которой обладали необычайной смелостью и удачливостью.

В то же время с авантюрной литературой произведение сближает динамичный приключенческий сюжет, который делал чтение занимательным. Это отвечало запросу аудитории: критика говорила о том, что подростки ждут «увлекательную и захватывающую книжку» [Незнамов 1934, 3]. Привлекательным для читателя моментом могла стать также нормализация нарушения правил. Правила установили враги советской власти, так что нарушать их было можно

и нужно. Разозлившись на Котьку Григоренко, пожаловавшегося на драку с Василем директору гимназии, и на Котькиного отца, который выдал отца Маремухи, прятавшего у себя Сергушина, друзья решили отомстить доктору и его сыну и бросили в окно Григоренко куски черепицы, что чуть не привело к пожару из-за разбитой керосиновой лампы. Регулярно дерущиеся персонажи, которые кидают черепицу в окна и обманывают родственников, вряд ли могли претендовать на роль положительных героев, если бы это было произведение о советской школе. События, описанные в повести, воспринимались читателями как правдоподобные. Дети расспрашивали, живы ли герои книги, передавали им приветы [Протокол 1938, л. 14; Беляев 1941]. В июньском номере «Литературной газеты» за 1938 г. отмечалось, что «по сведениям, полученным от библиотечкарей, книга читается ребятами с огромным интересом и пользуется большим успехом» [Каверин и др. 1938, 4].

Популярность у аудитории не являлась достаточной причиной для переизданий. Произведение должно было соответствовать идеологическим требованиям, которые в 1930-е гг. претерпели значительные изменения. В этот период утверждалась официальная линия в интерпретации истории государства, идея мировой революции окончательно уступила место советскому патриотизму [Юрганов 2011, 15–226]. В августе 1934 г. И. В. Сталин, А. А. Жданов, С. М. Киров составили замечания по поводу конспекта учебника истории СССР [Сталин 1936]. Сталин правил первый том «Истории гражданской войны в СССР» (вышел в свет в 1935 г.) [История 2017]. В 1937 г. был издан первый регулярный советский школьный учебник истории [Шестаков 1937]. Основное изменение в официальном представлении событий Гражданской войны было связано с переоценкой роли Л. Д. Троцкого и Сталина. В повести они не упоминались.

Как бы ни описывался вклад лидеров, неизменным оставалось требование оценки участников событий, деления их на своих и чужих, положительных и отрицательных. Беспристрастность могла привести к обвинениям в объективизме⁵. Беляев выполнял это требование, по-разному работая с детскими и взрослыми персонажами. Определяющим фактором, делившим детей на «своих» и «чужих», в соответствии с марксистско-ленинским взглядом на историю, было их происхождение. Бедняки, жившие на Заречье, посещали высшее начальное училище. После прихода к власти Петлюры их отправили в украинскую гимназию и предложили вступить в скаутские отряды. При этом, как в игре в сыщика и вора,

популярной у героев повести, в противоположный лагерь «свой» мог попасть волею случая. Так, Сашка Бобырь состоял в отряде скаутов, примыкал к Котьке Григоренко из страха, что тот выдаст наличие у него огнестрельного оружия. К концу повести Сашка вновь вошел в компанию бывших «высшечальников». По наличию петлюровцев среди скаутских начальников ясно, что эта организация объединяла «чужих». Беляев разъяснил, чем плохи скауты, в примечании к рассказу «Голос Тараса»: «Бойскауты — буржуазно-националистическая юношеская организация. Воспитывая в бойскаутах ненависть к советской власти, петлюровцы готовили из них пополнение своих банд» [Беляев 1939, 23]. Положительные герои Василь Манджура и Юзик Стародомский были не против пойти в скауты, более того, эта организация привлекала их наличием формы, бесплатной еды, совместного досуга. Юзик, недовольный тем, что Котька Григоренко закрыл ему дорогу в скауты, все-таки пошел смотреть парад с их участием и демонстративно безразлично отозвался об этом мероприятии. Дети имели право на ошибку, да и выбирали сторону скорее не из идеологических соображений, а из-за личной неприязни. Василь не просился в организацию, опасаясь мести скаутского начальника Марко Гржибовского за поступок своего отца, который защитил от Марко сапожника Исаака Лейзеровича. Отрицательный детский персонаж подлый, злой Котька Григоренко, возглавлявший скаутское звено, происходил из богатой семьи, враждовал с главными героями. В то же время признавались его сила и ловкость, он играл вместе с положительными героями (хотя единственная описанная совместная игра закончилась дракой, жалобой Котьки на Василя и исключением последнего из гимназии). Система детских персонажей была гибкой, автор уделял внимание изображению характеров героев.

И при описании мира взрослых Беляев не всегда выводил однозначно положительные образы. Отец Маремухи снимал дом у противника советской власти Григоренко, пустил его жить к себе, когда в город пришли красные. Маремуха не участвовал в противостоянии открыто, но выбрал сторону Советов. Отец Василя Манджуры показан более сознательным: присоединился к красным, работал в типографии (специальность сама по себе революционная, овладение средствами печати было необходимо для организации пропаганды). И все же он не был идеальным: в журнальной редакции и во втором издании повести описано пьянство Манджуры в прошлом [Беляев 1936а, 83–85; Беляев 1939с, 115–119].

В то же время при изображении столкновения советской власти и ее противников необходимо было выдерживать идеологическую рамку, созданию которой служили полярные оценки некоторых героев мира взрослых. Наиболее явно они были показаны в контрастных парах учителей, имевших большое влияние на детей и преподававших предметы, с помощью которых транслировалась идеология, — историю и украинский язык (совмещался с литературой).

Любимым учителем главных героев был историк, работавший в высшем начальном училище, Валериан Дмитриевич Лазарев. Его не перевели в петлюровское учебное заведение, что в журнальной редакции объяснялось плохим знанием украинского языка, на котором велось преподавание в гимназии. Лазарев также сообщил: «Здесь я читал русскую историю. В гимназии русской истории не будет. Там будет только история Украины...» [Беляев 1936а, 89]. Отметим, что слова Лазарева отражают официальную позицию второй половины 1930-х гг., а не периода Гражданской войны. Вскоре после образования советского государства народный комиссар просвещения А. В. Луначарский противопоставлял советское интернациональное воспитание патриотическому воспитанию царской школы с помощью курса истории [Луначарский 1918, 7–9]. Он и М. Н. Покровский предложили ввести социологию и историю труда [Витевицкий, Лавренов 2016, 70]. Преподавание истории было отменено. Эта ситуация нашла отражение в финале повести: с приходом советской власти ученики обсуждали появление в школьной программе социологии [Беляев 1937, 275]. В изданиях 1937 и 1939 гг. объяснение того, почему Лазарева не взяли в гимназию, было заменено на другое, связанное с делением на два мира по признаку приверженности красным или их противникам («они набирают в гимназию только своих учителей, петлюровцев, а я для них не гожусь...») [Беляев 1937, 24; Беляев 1939с, 23]. В книге 1951 г. Беляев дополнительно подчеркнул, что Лазарев давал ученикам идеологически верный взгляд на историю, рассказывал «правду о Ленине, революции, о Советской власти...» [Беляев 1951, 18]. Описывались такие его качества, как внимание к детям, общение на равных. С победой красных была открыта трудовая школа, заведующим которой стал Лазарев. В отличие от него, гимназический учитель истории, поп Кияница, был груб, относился к детям с пренебрежением. В отдельных изданиях было добавлено, что история Украины велась им по М. С. Грушевскому [Беляев 1937, 32; Беляев 1939с, 30] (в начале 1930-х гг. его концепция была оценена как

буржуазная и националистическая, в 1931 г. историк был арестован по делу «Украинского народного центра»). В издании 1939 г. отрицательные черты Кияницы были усилены: он вел историю не просто скучно, он приводил неверные факты и негативно отзывался о своем предшественнике Лазареве, называя его «богоотступником и шарлатаном» [Беляев 1939с, 31]. Непривлекательности образу добавил эпизод, когда Кияница после венчания петлюровского адъютанта пришел на урок пьяным [Беляев 1939с, 30].

Введение отталкивающего персонажа-церковника служило антирелигиозной пропаганде. Поп Кияница входил в украинскую автокефальную церковь, название которой в издании 1939 г. было изменено на петлюровскую автокефальную [Беляев 1936а, 91; Беляев 1937, 32; Беляев 1939с, 30], что позволило Беляеву замаскировать факт существования церкви и в советское время (она была ликвидирована только в 1935–1937 гг.).

Лазарев и Кияница сопоставлены сразу по нескольким критериям. Учитель, который преподает в соответствии с большевистской идеологией, умеет увлечь детей, показан достойным человеком, а учитель неправильного социального статуса («служитель культа») плохо знает историю, дает ее по враждебной советской власти программе, человек грубый, злой, пьянствующий.

Школы в повести носят имена писателей, что тоже позволяло автору расставить идеологические акценты. Эта деталь значима: в первом советском учебнике по истории, изданном в 1937 г., включавшем описание событий от жизни первобытных людей до принятия Конституции СССР 1936 г., было выделено место для портретов и кратких биографий А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого; речь в нем шла также о М. Ю. Лермонтове и Н. В. Гоголе [Шестаков 1937, 87–89, 96, 98, 99, 110]. Писатели оценивались согласно тому, какие взгляды они выражали в своих произведениях. В журнальной редакции и первом отдельном издании «Старой крепости» гимназия носила имя Г. Ф. Квитка-Основьяненко, чей портрет висел в кабинете директора [Беляев 1936а, 82; Беляев 1937, 67]. В книге 1939 г. портрет и имя гимназии изменились, на первый план вышел поэт С. В. Руданский [Беляев 1939с, 61]. Трудовая школа, открытая советской властью, носила имя Т. Г. Шевченко во всех изданиях 1930-х гг. [Беляев 1936а, 150; Беляев 1937, 268; Беляев 1939с, 232].

Рассмотрим, в честь кого называлась петлюровская гимназия. В томе «Литературной энциклопедии», вышедшем в 1931 г., обозначено важное место Квитка (псевдоним Грыцько Основьяненко)

в истории украинской литературы, идеологическая позиция писателя получила двойственную оценку, в словарной статье было отмечено «сочетание реакционности его политических взглядов с передовыми (по сравнению с массой коренного имперского помещного дворянства) его взглядами на украинский яз. и лит-ру» [Айзеншток 1931, стб. 166]. Описание же Руданского менее нейтрально. В подготовленном к печати в 1937 г. томе энциклопедии шла речь о том, что «буржуазно-националистическое литературоведение» использовало «произведения Р. с определенной агитационно-пропагандистской целью в борьбе с пролетарской революцией на Украине»; отмечалось, что поэт изображал И. С. Мазепу национальным героем, тексты Руданского были оценены как «националистическая интерпретация гетманщины» [Колесник 1991, стб. 62]. То есть поэт воспринимался как проводник враждебной идеологии, которая строилась в том числе на высокой оценке деятельности Мазепы. Беляев также вывел его на первый план: в отдельных изданиях повести назван портрет Мазепы, висевший в кабинете директора (в журнальной редакции было перечислено несколько фамилий гетманов) [Беляев 1936а, 82; Беляев 1937, 67; Беляев 1939с, 60]. Возможно, на выбор в пользу Руданского повлияло и то, что он родился в Каменец-Подольской губернии и учился в Каменецкой духовной семинарии. В. Беляев подобрал подходящего антагониста выходцу из крестьян Шевченко, который, как сообщал школьный учебник истории 1937 г., «писал об угнетении украинского и других народов царской России, о тяжелой жизни крепостных, о самовластии царей и панов и бесправии народа» [Шестаков 1937, 88].

В конце 1930-х гг. тот же прием (противопоставление учителей высшего начального училища и петлюровской гимназии) и уже сложившаяся пара писателей были использованы Беляевым в рассказе «Голос Тараса», созданном, по всей видимости, к широко праздновавшемуся в 1939 г. 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко.

В высшем начальном училище преподавал Побережный, который хорошо знал свой предмет, понятно объяснял, рассказывал ученикам о Шевченко и не говорил с ними о Руданском. Руданский был любимым поэтом гимназического учителя Подуста, рассеянного, невнимательного человека, получившего образование в духовной семинарии. Подуст приказал главному герою Василию Приходько выучить стихи и декламировать их на вечере, устроенном для Петлюры, выпустил на сцену, не проверив, какое произведение Шевченко выбрал герой. Стихотворение «Когда мы были казаками» оказалось неподходящим, и он ударил ученика.

Подобно ситуации с учителями истории, Побережный был показан хорошим человеком, знающим педагогом, который уделял время просоветскому материалу, а Подуст плохим человеком и специалистом, выражавшим враждебные советской власти идеи. Церковное образование Подуста, как и в случае с Кияницей, позволяло автору транслировать антирелигиозные взгляды.

Идеологическое противостояние Беляев показывает с помощью образов не только учителей, но и участников военного конфликта. В повести даны две силы, — войска Украинской народной республики (петлюровцы) и РККА, а также те, кто сочувствовал тем или другим. Персонажи получали оценку в зависимости от принадлежности стороне конфликта. На стороне советской власти показаны: Давид Лейзерович, родственников которого во время еврейского погрома убили петлюровцы, приведенные Марко Гржибовским (в журнальной редакции это сделал сам Марко); председатель ревкома Тимофей Сергушин (в журнальной редакции Илларион Тарабукин); командир Северьянов, его ординарец Кожухарь и др. Все они дружелюбно общались с детьми, были бесстрашными, вступались за слабых. Петлюровцы даны не так дифференцировано, их имена, как правило, не назывались, они представляли угрозу для жителей города. Сам Петлюра упоминался, но во взаимодействие с ним герои не вступали. Отдельно прописаны сын колбасника Марко Гржибовский (сосед Василя Манджуры, петлюровец) и доктор Григоренко.

Личностные качества героев находились в зависимости от их принадлежности тому или иному лагерю, благодаря чему читатель сопереживал более привлекательным красным. Такое деление на плохих и хороших определяло и выбор стороны детьми, которые не задумывались о марксизме или особенностях советской политики, а помогали тем, кто ближе и тепло относится, вредили тем, кто обидел. Книга способствовала созданию у читателей представлений о поддержке бедным населением советской власти, а также рассказывала о спасении мирных людей Красной армией от разбоев и погромов, устраивавшихся ее противниками.

***

Обратим внимание на оценку не только сторон конфликта, но и самого факта военных действий. В рассказах были показаны страшные моменты: ночной обыск петлюровцами, во время которого герои осознавали угрозу для жизни («Ровесники»), жестокая

расправа над близким другом повествователя еврейским мальчиком и его семьей («Детство» / «Соседи»). Рассказы выходили во «взрослых» изданиях. От них в повести, увидевшей свет в журнале ЦК ВЛКСМ и в «Детиздате» с пометой «Для среднего и старшего возраста», осталось только упоминание о еврейском погроме без подробностей, изображающих дружбу Васьки Манджуры с убитым мальчиком. Согласно журнальной редакции, герои могли пострадать от столкновения с петлюровцами: Юзик и Васька кидали черепицу в окно доктора Григоренко, когда у него находились два петлюровских офицера. В отдельных изданиях эпизод был изменен: доктор проводил этот вечер в компании жены, директора гимназии и попа Кияницы, так что напрямую с враждебной силой дети не сталкивались. Опасность, конечно, оставалась, но была снижена по сравнению с названными рассказами. В повести отсутствуют упоминания о смерти людей, близких детям, описаны хорошие и героические красные, на которых стоит быть похожими, что увеличивало привлекательность войны. Военные эпизоды перемежались с рассказами об играх и драках детей, герои с интересом наблюдали за стрельбой из пулемета, бегством петлюровцев; читатель мог интерпретировать войну как увлекательную игру взрослых. Косвенное участие детей в войне было показано не как необычный героический поступок, а как естественное действие, часть жизни.

Создание положительного образа войны отвечало общей тенденции в литературе. Еще в начале 1930-х гг. Литературным объединением Красной армии и флота (ЛОКАФ) велась борьба с пацифизмом, в частности с ремаркизмом [Бурцева 2021], которая сохранила свою актуальность и в конце 1930-х гг.⁶ Работа по милитаризации литературы проводилась рядом организаций: ЛОКАФ, Оборонной комиссией Оргкомитета Союза советских писателей, затем — Союза советских писателей. Беляев попал в поле их интересов: будучи начинающим автором, он участвовал в 1931 г. в проводившейся Ленинградско-Балтийским отделением (ЛБО) ЛОКАФ военно-литературной игре (подробнее об организации игры см. [Сысоева 2019]). Его рассказ «Детство» был опубликован в журнале «Залп», «Голос Тараса» — в журнале «Знамя», оба издания были созданы как печатные органы ЛОКАФ. Влияние названных организаций на писателя не было определяющим, тем не менее отметим, что при ЛБО ЛОКАФ функционировала детская секция, в журнале «Залп» изредка публиковались рецензии на книги военной тематики для детей и подростков⁷, был помещен обзор произведений,

созданных детьми в рамках конкурса юных дарований [Западов 1934]. Задача милитаризации ставилась не только Оборонной комиссией: в 1936 г. на совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ шла речь о необходимости создавать книги о войне для подростков [Барун 1936].

Рассмотрев литературу стран-участниц Первой мировой войны Венгрии, Италии, Германии, Великобритании, О. Мязотс выявила следующую тенденцию: «С 1920-х гг. в детской литературе начнет формироваться стойкая позиция неприятия любой войны» [Мязотс 2015, 122]. Такая позиция противоречила официальной линии советской литературы 1930-х гг., а также замыслу повести. Во втором отдельном издании 1939 г. Беляев добавил в финал произведения совместный поход детей с Лазаревым в подземный ход Старой крепости. Участники прогулки обнаружили надпись на латыни, которую, как определил учитель, около 250 лет назад сделали турки. Лазарев перевел ее детям: «Счастливо то государство, которое во время мира готовится к войне» [Беляев 1939с, 244].

***

Подготовке к войне служили и произведения Беляева. Он не только писал о прошлом, но и создавал образ будущего врага. В повести и рассказах перечислялись иностранные государства — помощники Петлюры, причем из текста в текст в их описание и оценку вносилась правка. Рассмотрим, как менялись акценты в изображении иностранных государств в хронологии издания произведений.

В опубликованном в 1934 г. рассказе «Детство» главным врагом Советской России изображена Польша. В машине с Петлюрой сидел польский генерал, который с удовлетворением обратил внимание на польский герб на старинных воротах города. Упомянулись также выданные Петлюре Францией автомобили [Беляев 1934, 5–6]. Появление Франции в этом тексте было, вероятно, реакцией на ухудшение дипломатических и экономических отношений советского государства с этой страной в 1929–1930 гг., что отразилось, в частности, в широко развернувшемся и освещавшемся в прессе сфабрикованном процессе «Промпартии» 1930 г. (согласно обвинительному заключению, за действиями советской научно-технической интеллигенции стояла готовившаяся к интервенции Франция [Обвинительное заключение 1931, 14–15]). Однако к 1934 г. отношения уже наладились: 29 ноября 1932 г. был

подписан пакт о ненападении, 11 января 1934 г. — торговый договор. Наконец, 2 мая 1935 г. был заключен франко-советский пакт о взаимопомощи. Больше ни в одном из рассматриваемых текстов Беляева Франция не упоминалась.

В рассказе «Ровесники» (издан в февральском номере журнала за 1935 г.) отмечено участие иностранных государств только в снабжении: названы английская шинель и румынский спирт [Беляев 1935, 45, 56]. В сборник «Ровесники» (1936 г., сдан в набор 8 сентября 1935 г.) вошли рассказы «Детство» и одноименный сборнику. В первом Беляев сделал сцену с польским генералом менее подробной, что не изменило ее смысл, и снял обозначение принадлежности автомобилей какому-либо государству; во втором убрал упоминание румынского спирта, оставив английскую шинель [Беляев 1936, 17; Беляев 1936b, 47]. Англия в следующих рассматриваемых изданиях 1930-х гг. появлялась в произведениях только как поставщик одежды.

Более подробно иностранная поддержка Петлюре была описана в повести. В журнальной редакции (вышла в ноябрьском номере 1936 г.) на первый план были выведены две страны, Германия и Польша. К Петлюре прилетели немецкие инженеры с деньгами Украинской народной республики, чтобы наладить их производство в городе; атаман булавной сотни Драган, командовавший у Петлюры расстрелами, получил немецкую награду за участие в войне [Беляев 1936a, 72, 103]. Поляки воевали вместе с петлюровцами, Польша предоставила им убежище после поражения [Беляев 1936a, 130–131]. Вклад поляков был большим, но детальнее и эмоциональнее изображена роль Германии.

При описании истории города, в котором разворачивалось действие, Беляев ввел рассказ о конфликте поляков и турков за земли и крепость. В журнальной редакции события были переданы нейтрально. В книге, сданной в набор 26 мая 1937 г., было добавлено, что узник крепости Кармелюк (описанный сочувственно) поднял восстание против польских панов [Беляев 1937, 7]. Отрицательная роль Польши в истории города была подчеркнута и в следующем издании, сданном в набор 2 апреля 1938 г.: Лазарев рассказал детям о том, что «простые, свободные украинцы от души ненавидели завистливых, жадных и жестоких польских панов» [Беляев 1939с, 6], сообщил, что турки обращались с простыми людьми лучше, чем поляки [Беляев 1939с, 7]. Тогда же было добавлено новое упоминание о Германии: сообщалось о прилете оттуда политического деятеля и «старого друга Петлюры» Н. В. Порша [Беляев 1939с, 36].

Значимым представляется и то, что в публикации 1939 г. звено Котьки Григоренко названо «удавами» [Беляев 1939с, 153], в отличие от «волчат» 1937 г. [Беляев 1937, 171] и безымянной версии журнальной редакции 1936 г. [Беляев 1936а, 120]. Котька вслед за своим звеном стал «змеиным командиром» и «гадюкой петлюровской» [Беляев 1939с, 153, 248]. Анализ содержания газет «Правда» и «Известия» за 1930-е гг. позволяет прийти к выводу о том, что активное иносказательное употребление слова «гадюка» началось в 1937 г., применялось обычно к подсудимым «троцкистского центра» и фашизму. Так в произведении появилась отсылка к идеологическому противнику коммунизма.

В повести основными врагами показаны Польша и Германия, если их ранжировать в хронологии, то можно говорить о том, что внимание с немецкой угрозы в 1936 г. незначительно сместилось на польскую к 1938 г. Та же тенденция заметна в рассказах. В 1939 г. отдельным изданием вышел рассказ «Голос Тараса» (сдан в набор 9 января 1939 г.), в нем в качестве основного врага была выведена Польша. Польский ксендз, выступая на площади города, говорил, что земля эта навеки останется польской. С приходом новой власти уроки начали вести на польском языке (напомним, что в повести в гимназии преподавание велось на украинском), поэтому ушел хороший учитель [Беляев 1939, 10, 17]. В приведенных в рассказе отрывках из стихотворения Шевченко «Когда мы были казаками», которое Василь читал, обращаясь в зал, полный польских офицеров, шла речь о том, как Польша захватила Украину и мучила ее народ [Беляев 1939, 36–38]. Вскоре рассказ с незначительной правкой появился в сборнике «Украинские ночи» (сдан в набор 7 марта 1939 г.) и в третьем номере журнала «Знамя» за 1939 г.

Еще два упоминавшихся произведения Беляева были републикованы в сборнике «Украинские ночи» после трехлетнего перерыва, который сказался в описании противника. В рассказ «Соседи» был введен новый враг — Германия: появились упоминания о немецком офицере Драгане и бегстве гетмана П. П. Скоропадского в Берлин [Беляев 1939b, 53, 42]. Новым было изображение Петлюры на фоне польского генерала как невзрачного человека [Беляев 1939b, 54]. В рассказе «Ровесники» остался один враг, Польша, причем были добавлены новые детали: покупка отрицательным героем Марко граммофона в Кракове; сообщение о том, что петлюровцы время от времени убегали от красных в Польшу; был назван вариант расшифровки аббревиатуры Р. К. Р. польских вагонов, вывозивших из Украины продовольствие —

«Пилсудский купил Петлюру» [Беляев 1939а, 86, 72, 108–109]. В рассказах появилось упоминание Румынии (румынского спирта и дороги на Румынию и Польшу, на которой стоял город) [Беляев 1939b, 52; Беляев 1939а, 75].

Отношения СССР с Польшей в рассматриваемый период были сложными, в то же время нельзя говорить о полном их разрыве: в феврале 1939 г. был подписан польско-советский торговый договор. Не было определенности и в отношениях с Германией: исследователи неоднократно отмечали разницу между заявлявшимся открыто противостоянием стран и курсом СССР на сближение (например, [Волос 2009, 169]). Нас больше, чем реальный дипломатический курс, интересует образ, создававшийся внутренней пропагандой, целям которой служили и произведения Беляева. В брошюре «Польша», изданной в серии «В помощь агитатору» в 1938 г., на первой же странице описывались «антисоветские замыслы» обоих государств; Польша была объявлена «форпостом фашистской Германии на границах СССР» [Кузнецов 1938, 3, 4]. Так что выведение на первый план Польши и Германии как главных помощников Петлюры соответствовало официальной линии пропаганды. Конечно, Беляев был связан и материалом: в 1920 г. Петлюра и Пилсудский заключили военный союз против большевиков. Однако при тех же исходных данных в повести была значительно скорректирована оценка Польши после смены политических ориентиров.

В издание 1954 г. в виде отдельной главы был включен рассказ «Голос Тараса»⁸. Добавленный Беляевым финал изменил смысл эпизода. Во-первых, был процитирован новый отрывок стихотворения Шевченко с обращением «поляк, мой друг и брат мой», оказалось, что обвинение звучало только против польских ксендзов и магнатов. Во-вторых, автор сообщил, что у Василя на Заречье много знакомых-поляков, в том числе Юзик Стародомский [Беляев 1954, 51]. В издании 1964 г. Иосиф (полное имя Юзика) стал Юзефом, как и Пилсудский [Беляев 1964, 10]. Это завершило последовательное избавление текста повести от упоминания евреев. Предыдущая крупная правка в этом ключе была проведена в публикации 1951 г.: были сняты вошедшие в издания 1930-х гг. ироничные упоминания петлюровского министра еврейских дел на фоне еврейских погромов, а главный положительный герой мира взрослых Давид Лейзерович был переименован в Ивана Омелюстого [Беляев 1951, 13–14, 21]. Это произошло после начала политической кампании советского руководства по борьбе с космополитизмом, носившей в том числе антисемитский характер.

Взгляд на события периода становления советской власти сквозь призму подготовки в 1930-е гг. к новой войне размывал специфику Гражданской войны, автор использовал универсальные приемы деления на своих и чужих, создания образа врага. Точная детальная передача исторических фактов не являлась задачей Беляева, на что как на недостаток было указано в рецензии 1938 г.: «Исторические сведения в книге „Старая крепость“ подаются чрезвычайно поверхностно, разбросано и небрежно» [Ирина 1938, 18].

Секрет читательского и издательского успеха повести заключался в сочетании динамичного приключенческого сюжета с неидеальными героями-подростками, в опоре на советскую идеологию рассматриваемого периода (что проявилось в создании положительных образов Красной армии и войны, в отрицательной оценке религии), а также в изменении акцентов в передаче истории в соответствии с внутренней и внешней политикой СССР в годы переизданий. Во многом это стало возможным, благодаря разделению мира детей и взрослых: первый большей частью работал на занимательность, второй — на идеологию (которая проявлялась, впрочем, и через эмоциональную реакцию детей на события в мире взрослых). Повесть Беляева может поведать внимательному читателю три истории о прошлом — о Старой крепости, о войне и о том, как надо было рассказывать об этом советским детям.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01902, <https://rscf.ru/project/22-28-01902/>, в ИРЛИ РАН.
- ² Рассказ «Детство» был опубликован в журнале «Залп» в 1934 г., вошел в сборники «Ровесники» 1936 г. и «Украинские ночи» 1939 г., в последнем был издан под названием «Соседи»; «Ровесники» увидел свет в журнале «Литературный современник» в 1935 г., попал в сборники «Ровесники» 1936 г. и «Украинские ночи» 1939 г., после войны публиковался под названием «Первое оружие»; «Голос Тараса» вышел в 1939 г. трижды: отдельным изданием, в составе сборника «Украинские ночи» и в третьем номере журнала «Знамя».
- ³ В повести и рассказе «Голос Тараса» использованы варианты имени Василий, Василь и Васька, в рассказах «Детство» и «Ровесники» — Васька (в рассказе «Ровесники», вошедшем в одноименный сборник, героя зовут Тимка).
- ⁴ Год указан в рассказе «Ровесники» во втором его издании в составе одноименного сборника 1936 г. По воспоминаниям Беляева, С. Я. Маршак,

прочитав рассказ, предложил ему написать на этом материале повесть, что привело к созданию «Старой крепости» [Беляев 1971, 169]. Датировка 1919-м или 1920-м г. мотивируется сюжетом. В повести упоминается Директория, председателем которой Петлюра был с февраля 1919 г. по ноябрь 1920 г.

- ⁵ См., например, рассуждение Р. Д. Мессер о таком недостатке творчества С. Р. Михайлова как отсутствие выводов, который объяснялся тем, что «нет выявленного отношения автора» в связи с «непреодоленным объективизмом» [Мессер 1931, 152].
- ⁶ Приведу два примера из множества, о трудах В. И. Ленина сказано: «Здесь со всей отчетливостью предательским иеремиядам пацифизма противопоставлена позиция революционного марксизма» [Леонтьев 1939, 2], американские писатели охарактеризованы следующим образом: «Другие поэты бежали от родины в интернациональную богему, в пораженчество и пацифизм, в бунтарство ради бунтарства, в отрицание» [Кашкин 1939, 2].
- ⁷ Например, «Юнармия» Г. И. Мирошниченко, еще одно произведение о Гражданской войне, критиковалась за противопоставление молодежи взрослым [Рецензия 1932].
- ⁸ Тогда же в повесть вошел отрывок рассказа «Ровесники» о Гржибовских [Беляев 1954, 17–19, 27–51].

Литература

Источники

Айзеншток 1931 — Айзеншток И. Квитка Григорий Федорович // Литературная энциклопедия. Т. 5. / Отв. ред. А. В. Луначарский. [М.]: Издательство Коммунистической академии, 1931. Стб. 166–169.

Барун 1936 — Барун Р. Детская литература Украины // Литературная газета. 1936. 26 янв., № 5 (568). С. 3.

Беляев 1934 — Беляев В. Детство // Залп. 1934. № 6. С. 4–7.

Беляев 1935 — Беляев В. Ровесники // Литературный современник. 1935. № 2. С. 44–63.

Беляев 1936 — Беляев В. Детство // Ровесники: Сборник рассказов рабочих авторов. М.: изд. и тип. Профиздат, 1936. С. 7–24.

Беляев 1936a — Беляев В. Подростки // Молодая гвардия. 1936. № 11. С. 70–152.

Беляев 1936b — Беляев В. Ровесники // Ровесники: Сборник рассказов рабочих авторов. М.: изд. и тип. Профиздат, 1936. С. 25–60.

Беляев 1937 — Беляев В. Старая крепость. М.; Л.: Детиздат, 1937.

Беляев 1939 — Беляев В. Голос Тараса. М.; Л.: Детиздат, 1939.

- Беляев 1939a* — Беляев В. Ровесники // Беляев В. Украинские ночи. Л.: Художественная литература, 1939. С. 70–121.
- Беляев 1939b* — Беляев В. Соседи // Беляев В. Украинские ночи. Л.: Художественная литература, 1939. С. 38–69.
- Беляев 1939c* — Беляев В. Старая крепость. 2-е изд., перераб. М.; Л.: Детиздат, 1939.
- Беляев 1941* — Беляев В. От автора // Беляев В. Дом с привидениями. М.; Л.: Детиздат, 1941. С. 3.
- Беляев 1951* — Беляев В. Старая крепость. Киев: Гослитиздат Украины, 1951.
- Беляев 1954* — Беляев В. Старая крепость. М.: Советский писатель, 1954.
- Беляев 1964* — Беляев В. Старая крепость. М.: Молодая гвардия, 1964.
- Беляев 1971* — Беляев В. Начало // Я думал, чувствовал, я жил: Воспоминания о С. Я. Маршаке. М., 1971. С. 162–172.
- Западов 1934* — Западов А. Молодые авторы новых песен. Оборонная тематика в детском творчестве // Залп. 1934. № 6. С. 32–33.
- Ирина* 1938 — Ирина К. «Старая крепость» // Детская литература. 1938. № 5. С. 18–19.
- Каверин и др. 1938* — Каверин, Слонимский М., Шварц Е., Тихонов Н., Маршак С., Ильин М., Барто А., Кассиль Л., Михалков С., Квитко Л. О рецензентах детских книг // Литературная газета. 1938. 20 июня, № 34 (741). С. 4.
- Кашкин 1939* — Кашкин И. В поисках Родины // Литературная газета. 1939. 20 мая, № 28 (807). С. 2.
- Колесник 1991* — Колесник П. Руданский Степан Васильевич // Литературная энциклопедия. Т. 10: Романов — Современник: [репринтное издание]. München: Verlag Otto Sagner, 1991. Стб. 61–62.
- Кузнецов 1938* — Кузнецов Б. Польша. [М.:] Молодая гвардия, 1938.
- Леонтьев 1939* — Леонтьев А. Ленинские тетради по империализму // Правда. 1939. 9 авг., № 219 (7904). С. 2.
- Луначарский 1918* — Луначарский А. В. О преподавании истории в коммунистической школе: Лекция, прочит. на сент. пед. курсах в Петербурге, 1918. Петроград: Издание отдела подготовки учителей Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области, 1918.
- Маршак 1934* — Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934.
- Мессер 1931* — Мессер Р. Творческие кадры ЛОКАФ // ЛОКАФ. 1931. № 3. С. 146–155.

Незнамов 1934 — Незнамов П. Портрет писателя (Л. Пантелеев) // Литературная газета. 1934. 20 июня, № 78 (394). С. 3.

Обвинительное заключение 1931 — Обвинительное заключение // Процесс «Промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.): Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М.: Советское законодательство, 1931. С. 7–44.

Протокол 1938 — Протокол встречи учащихся с В. П. Беляевым в магазине детской книги от 6 апреля 1938 г. // РГАЛИ. Ф. 3134. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 1–14.

Рецензия 1932 — [Рецензия] // Залп. 1932. № 8. С. 76–77. Рец. на кн.: Мирошниченко Г. Юнармия. Л.; М.: ЛАПП; Государственное издательство художественной литературы, 1932.

Сталин 1936 — Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // Правда. 1936. 27 янв., № 26 (6632). С. 2.

Шестаков 1937 — Краткий курс истории СССР: Учебник для 3 и 4 классов / под ред. А. В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937.

Исследования

Бурцева 2021 — Бурцева А. О. Критика иностранной литературы на страницах советского оборонного журнала «ЛОКАФ»: как не стать Ремарком // Slověne. 2021. Vol. 10, no 1. С. 347–367. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.15.

Витевицкий Лавренов 2016 — Витевицкий В., Лавренов С. История как предмет в школах России. Часть 2. Историческое образование в СССР // Обозреватель=Observer. 2016. № 8 (319). С. 68–91.

Волос 2009 — Волос М. Внешняя политика СССР в 1935–1939 гг.: некоторые соображения // Вестник МГИМО. 2009. № 4. С. 166–176.

История 2017 — «История гражданской войны в СССР» (1935): история текста и текст истории / Сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер; под науч. ред. М. П. Ирошниковой. М.: РОССПЭН, 2017.

Маликова 2010 — Маликова М. Э. Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 109–139.

Маслинская 2012 — Маслинская С. «Пионерская» беллетристика vs «большая» детская литература // Детские чтения. 2012. № 1 (1). С. 100–116.

Мязотс 2015 — Мязотс О. Война как игра // Детские чтения. 2015. № 2 (8). С. 103–123.

Обухова 2013 — Обухова Л. Ф. Возрастная психология: учебник для бакалавров: по дисциплине «Возрастная психология» для студентов высших учебных заведений. М.: Юрайт, 2013.

Сысоева 2019 — Сысоева А. В. Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями // Русская литература. 2019. № 4. С. 159–165. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-159-165.

Юрганов 2011 — Юрганов А. Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.

References

Burtseva 2021 — Burtseva, A. O. (2021). Kritika inostrannoy literatury na stranitsakh sovetskogo oboronnoho zhurnala “LOKAF”: kak ne stat’ Remarkom [The Soviet Journal LOKAF on Foreign Literature: How not to Become Remarkable]. Slověne, 10, 1, 347–367. DOI: 10.31168/2305–6754.2021.10.1.15.

Istoriya 2017 — Zelenov, M. V., Brandenberger, D. (Compilers), Iroshnikov, M. P. (Ed.). (2017). “Istoriya grazhdanskoj vojny v SSSR” (1935): istoriya teksta i tekst istorii [“The History of the Civil War in the USSR” (1935): the history of the text and the text of history]. Moscow: ROSSPEN.

Malikova 2010 — Malikova, M. E. (2010). Khalturovedenie: sovetskij psevdoperevodnoy roman perioda NEPa [Pot-boiler Studies: Soviet Pseudo-translational Novel of NEP Period]. Novoe literaturnoe obozrenie, 3 (103), 109–139.

Maslinskaia 2012 — Maslinskaia, S. (2012). “Pionerskaya” belletristika vs “bol’shaya” detskaya literatura [“Pioneer” fiction vs “big” children’s literature]. Detskie chtenia, 1 (1), 100–116.

Myeots 2015 — Myeots, O. (2015). Voyna kak igra [War as a game]. Detskie chtenia, 2 (8), 103–123.

Obukhova 2013 — Obukhova, L. F. (2013). Vozrastnaya psikhologiya: uchebnyk dlya bakalavrov. [Age Psychology: a Textbook for Bachelors]. Moscow: Yurayt.

Sysoeva 2019 — Sysoeva, A. V. (2019). Sozdanie sovetskoy voennoy propagandy v Leningrade nachala 1930-kh godov: novyy metod raboty s pisatelyami [Emergence of the soviet military propaganda in Leningrad of the early 1930th: the new method of working with writers]. Russkaya literatura, 4, 159–165. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-159-165.

Vitevitskiy, Lavrenov 2016 — Vitevitskiy, V., Lavrenov, S. (2016). Istoriya kak predmet v shkolakh Rossii. Chast’ 2. Istoricheskoe obrazovanie v SSSR [History as a Subject in Russian Schools. Part 2. Historical Education in the USSR]. Observer, 8, 68–91.

Volos 2009 — Volos, M. (2009). Vneshnyaya politika SSSR v 1935–1939 gg.: nekotorye soobrazheniya [Foreign policy of the USSR in 1935–1939: some considerations]. MGIMO Review of International Relations, 4, 166–176.

Yurganov 2011 — Yurganov, A. L. (2011). Russkoe natsional'noe gosudarstvo: zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma [The Russian national state: the existential world of the Stalin period historians]. Moscow: RGGU.

Anastasia Sysoeva

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-3844-5908

FASCINATING IDEOLOGY OR HOW TO TELL SOVIET CHILDREN ABOUT THE WAR: THE V. P. BELYAEV'S STORY "THE OLD FORTRESS" IN THE SECOND HALF OF THE 1930S

Vladimir Belyaev's story about the Civil War "The Old Fortress" is considered against the background of the pre-war era as an instrument of ideological education. The work created a positive image of the Red Army, a negative image of the opponents of Soviet power. The view at the events of the period of the Soviet state's formation through the prism of preparations for a new war in the 1930s blurred the specifics of the Civil War. The author used the universal techniques of dividing into insiders and outsiders, created an image of the enemy in accordance with the foreign policy situation, propagated militaristic and anti-religious views. The material of the study was the publications of the story and related short stories of 1936–1964 (the books of 1936, 1937 and 1939 were primarily considered) and the report of Vladimir Belyaev's meeting with readers in 1938. The article aims to analyze the character system, the editing of the text and the historical context. The reasons for the popularity of the work among the reader and its successful publishing story are in combination of a fascinating adventure plot, the normalization of rule violations, imperfect teenage heroes, on the one hand, and a verified ideology, the emphasis of which the author changed depending on changes in the internal and foreign policy of the USSR, on the other.

Keywords: Vladimir Belyaev, children's literature, reader's reception, ideological education, the image of the enemy, Civil War, the history of the text